

Сергей Лысков

Наша
ЖИЗНЬ

Рассказы

12+

Сергей Геннадьевич Лысков
Наша жизнь.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48579901

SelfPub; 2019

Аннотация

Четыре философские истории из жизни. Про людей, по-своему счастливых...

Содержание

Новенький	4
Мотылёк	9
Рекорд	12
Песочница	15

Новенький

Ночью тридцать первого августа пошёл дождь. На следующее утро родители Данила действительно подумывали не пойти на линейку. Дождь шёл всю ночь, и, несмотря на отражение голубого неба в каждой луже, чувствовалась сырость перед школьной линейкой. Аккуратно и стараясь не испачкаться, нарядные взрослые и одетые в белый верх и чёрный низ первоклашки с рюкзаками на плечах, астрами или розами в руках вереницей заполняли школьный двор.

Воздушные шарики, банты, суетливое ожидание взрослых, горящие взгляды малышей и предвкушение первого звонка – им только предстояло впервые перешагнуть порог школы. Всё это казалось таким знакомым для старшекласников, стоявших подальше от родителей и первачков, словно стесняясь младших братьев и сестёр.

– Равняйся! Смирно! Равнение по центру, – командным басом начал преподаватель по труду. – Уважаемый товарищ директор, первые классы для участия в торжественной линейке, посвящённой Дню знаний, построены!

И праздник в честь Дня знаний начался. Торжественные речи приглашённых гостей из министерства, стихи и песни школьников – если честно, мы не могли дождаться, когда все показательные мероприятия закончатся. Классный руководитель то и дело прикрикивала на нас, заставляя не шуметь

и не расходиться. Пришлось ждать первого звонка, и после первачков весь класс ринулся в школу. наших заклятых соперников по футболу мы встретили в коридоре.

– Сегодня после обеда будет игра! – задиристо говорил наш капитан Игорь.

– Принято, ровно в час на школьном поле! – самоуверенно ответил их капитан, и мы разошлись по классам.

Первый урок был формальным, постаревшая ещё на один год Валентина Ивановна по-доброму осмотрела класс, когда мы расселись за парты и успокоились. Она, как и год тому назад, начала неторопливо говорить о предстоящем учебном процессе. Потом по фамилиям выдала учебники, а под конец продиктовала временное расписание уроков на неделю.

– Новенького видели? – первым заговорил о паренёке рослый и темноволосый Руслан. – Он какой-то не такой, посмотри, как он ходит и улыбается.

– Это ДЦП, моя двоюродная сестра такая же, – с умным видом просветила нас отличница Ленка с двумя огромными бантами на голове. – Ему сложно ходить, улыбаться, бегать.

Это потом, уже в мединституте, я понял, что гримасы и странная походка – лишь гипертонус мышц, а тогда, в тринадцать лет, это казалось необычным, мы почему-то думали, что каждое движение у новенького вызывает боль, поэтому он так и улыбается при разговоре.

– Шурик, – протянув руку новенькому, представился мой друг.

– А я Серёга, – тут же добавил я.

– Данил, – немного стесняясь, ответил паренёк, то и дело поглядывая на отца.

– А ты из какой школы к нам? – уже по-свойски спросил Шурик.

– Мы на дому обучались, – очень серьёзно ответил за сына взрослый мужчина. – А теперь вот в вашем классе будем учиться.

– До победного! – своеобразно улыбаясь, сказал Данил.

– Сегодня в час дня будет футбольный матч, на чемпиона школы, приходите поболеть, – предложил Шурик.

– Конечно, придём, Данил любит футбол, – сказал отец Данила.

Данька, он очень сильно выделялся на фоне других школьников. Ходил так, словно каждое движение давалось ему с невероятным усилием. Говорил словно гримасничал, неуклюже смеялся, и не всегда были понятны его чувства по мимике. Но мы словно не замечали всего этого, будто он обычный парень. Так и прошёл первый урок. А потом, с ранцами, набитыми скучными книжками, на школьном дворе мы начали «рубиться» в футбол. В школьной форме, поставив портфели по углам сломанных ворот без сетки и поделившись на две команды, мы начали матч лета. Седьмой «А» против седьмого «Б». Это дерби назревало весь август, и только отсутствие форвардов и дожди мешали провести это знаковое мероприятие на каникулах. И вот он шанс, линей-

ка в День знаний собрала участников матча воедино, пред-
решив тем самым участь первого сентября.

Матч получился на редкость хороший, финальный счет 1:1. Все ожидали серии пенальти, но наш вратарь в последний момент сильно ушиб руку и просто не мог участвовать в кульминации матча. Поставить на ворота кого-то из игроков означало лишить себя одной попытки на удар. Брать девочку из болельщиков – чуть лучше, чем проводить пенальти без вратаря. Проиграй мы с девочкой в команде, нас бы подкалывали весь год.

– Ты в своём уме, Шура? Он не потянет, – сказал Руслан, то и дело поглядывая на Данилу.

– Тогда ты иди на ворота! И минус один удар будет.

– Нет, это не вариант, – ответил капитан и тут же предложил: – Может, Тóлстого возьмём, он-то в прошлом году был ещё в нашем классе?

– Он «вэшник», – сказал Сашка. – Они сразу ныть начнут.

– Пусть новенький играет, – выкрикнул кто-то из ребят.

– Ну да! «Бэшники» по-любому промахнутся или в него попадут, всё же лучше, чем пустые ворота, – пошутил кто-то из парней.

Решение поставить на ворота новенького не всем нравилось, но, рискнув, Сашка подошёл к отцу Данила.

– Нам нужен вратарь, можно, Данил просто постоит на воротах?

Мужчина, сдерживая слёзы, похлопал сына по плечу и

чуть слышно спросил:

– Ты готов, Данька?

– Ещё бы! – ответил паренёк и нескладно пошёл к футбольным воротам.

Стёртые в кровь коленки и локти, свезённые щеки, лбы и ладони рук – вот она, цена трёх пойманных из пяти проведённых пенальти. В тот первый день сентября мы – победители. И победили – дважды: один раз на поле, а второй раз в жизни, ибо мы с Сашкой нашли ещё и друга.

Мотылёк

Мотылёк, «мохнатая бабочка», как заколдованный, всегда летит на свет. Так получилось, что день рождения механика Палыча праздновали в троллейбусе; а почему бы нет, вроде и делом заняты – латаем старого друга, и в то же время празднуем. Гуляли до поздней ночи. Под утро, когда до рассвета осталась пара минут, пошёл ливень. Это сильно повлияло на настроение и самочувствие людей в понедельник. Ещё бы: начало рабочей недели, на дворе сентябрь, холодно и идёт сильный дождь. В такую погоду и вставать-то неохота, не то что идти на работу или по делам. Но сонные, в полудрёме, слегка раздражённые, люди всё же ехали в троллейбусе ранним сентябрьским утром – кто куда. Троллейбус был заполнен полностью, люди в основном стояли, как и я: хотя сидячих мест в избытке, но они мокрые. Ржавая и прохудившаяся крыша машины давно дала течь, а залатать и починить трещины не представлялось возможным, на хозяйственные нужды в троллейбусном управлении, как всегда, не хватало денег.

Мотыльки, слетевшиеся за ночь в троллейбус – тот самый, в котором праздновали день рождения Палыча, утром оказались в ловушке. Они тщетно бились о стёкла, не понимая, что их удерживает. Всё сильнее и настойчивее «мохнатые бабочки» врзались в стёкла троллейбуса, казалось, они хо-

тят разбить возникшую преграду. Поначалу я их не замечал, пребывая в утренних размышлениях о работе. Но чем настойчивее один из мотыльков бился о стекло, тем увлечённее я наблюдал за «мохнатой бабочкой» в дождливое утро понедельника.

В одном из окон не хватало резины в раме – куска шнура, что между стеклом и корпусом машины. Щель, в которую спокойно можно вылететь. И я подумал: что ему мешает остановиться на мгновение, перестать бессмысленно биться головой о то, что невозможно разбить, и ползком, не спеша, лезть вверх, пока не доползёшь до спасительной щели? Но нет... откуда понять «мохнатой бабочке» это? Ведь она видит свободу и не видит стекла.

Впрочем, спустя несколько остановок и безуспешных попыток один из мотыльков каким-то невероятным образом просто попал в щель. Секунда. Он немного замер и полетел прочь.

Забавно, но в тот миг вроде бы победы было непонятно, кому действительно повезло. Кто победил? Тот мотылёк, который вырвался из троллейбуса на свободу, где шёл беспощадный ливень, или же его собратья, которые остались в плену железной машины, но и не под дождем? Кто знает, кому повезло больше. Ведь дождь рано или поздно закончится, а железная клетка остановится, распахнув свои двери.

А люди... Они, открывая зонты, выходили на нужной им остановке и шли кто куда. Многие из них даже не заметили

каких-то там «мохнатых бабочек», не говоря уже о том, что произошло с одной из них.

Рекорд

– Один. Два. Три. Четыре... – начал чеканить мяч худощавый паренёк по имени Сашка.

– Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, – я считал вслух, и буквально вся толпа заворожённо повторяла про себя.

– Сорок один. Сорок два. Сорок три... – Сашка набивал коленками новенький кожаный мячик.

– Семьдесят три, семьдесят четыре, – боясь сглазить, шёпотом считал я.

– Вот чёрт! – на семьдесят пятом ударе выругался Сашка.

Мяч неудачно отскочил от левого ботинка и залетел в палисадник. Вся детвора, следившая за постановкой рекорда, принялась ругать невезучую левую ногу Сашки. Но все как один говорили, что ещё одна попытка уж точно перебьёт рекорд.

– Сергей! – послышался звонкий женский голос за большим каштаном, скрывавшим окна нашей с братом квартиры. – Домой! – так же громко и протяжно прокричала мама.

И мы с братом пошли обедать. На обед был борщ. Он вкусный, но эти куски мяса с белым жиром – это мучение. Поэтому я всегда съедал юшку первой, затем картошку, капусту, свёклу, морковь, а под конец, если заставляли силком, – мясо. Жир зажмурившись я откусывал в самом начале обеда и аккуратно ложкой отодвигал на край тарелки. В тот обед

мы впервые с братом попробовали горбушку чёрного хлеба, натёртую молодым чесноком. Сладкий чёрный хлеб, обжигающий небо чеснок и крупные кристаллики соли – это было вкуснее конфет. С жадностью съев по горбушке хлеба, мы, пока не видят взрослые, неровно отрезали ещё по одной порции, обрекая на высыхание свежую булку хлеба, добротню натёрли корочку чесноком, обильно посыпали солью с двух сторон и сломя голову побежали во двор.

– Мам, мы на улицу! – крикнул я.

Дверь хлопнула, и мы с братом понеслись во двор. Все парни как один молчали, открыв рты, наблюдали, как сосредоточенный Сашка набивал мячик. Мы тихо подошли, кусая чёрный хлеб, кто-то без слов попросил половину, кто-то, унюхав запах чеснока, шарахнулся, словно это тот самый варёный жир из обеденного мяса в борще. Честно, мы не расстроились из-за такого отказа, нам же больше достанется. И, влившись в общее молчание, дабы не сглазить, я стал считать каждый новый удар Сашки.

– Ай нет! – закричал Сашка и попытался достать неудачно отскочивший мячик.

Растянувшись на асфальте, уставший, с закрытыми глазами, со стёртой в кровь коленкой от падения, он не двигался, наслаждаясь рекордом. А с неба крупными каплями пошёл дождь. Ливень заставил Сашку спрятаться под козырьком подъезда. Все сначала молчали, наблюдая за дождём и тем, как появляются лужи, все, кроме нас, знали результат,

не решаясь озвучить цифру раньше рекордсмена. А ливень что есть силы лупасил повядшую листву на каштанах, приминал траву, наполняя лужи.

О рекорде первым заговорил Санёк. Как выяснилось, он набил тысячу триста два удара. В десять раз больше прошлого рекорда двора в сто тридцать ударов по мячу.

– Тысяча триста два удара! – с трепетом и гордостью за друга сказал я. – Тысяча триста два удара – эту цифру уже никто из нас не перебьёт!

И это без ложной скромности стало главным событием лета. В тот день настроение испортил только телик, по нему вместо мультиков показывали балет, лебединый танец. И так по всем каналам. Кто бы мог подумать, что этот танец будет знамением грядущих перемен. Мы уж точно ни о чём таком не догадывались. В то лето взрослые не сразу, но заразили нас своим страхом за светлое и беззаботное будущее. Страхом перед свободой, которую подарили, не спрашивая, нужна ли она нам. Но это, как говорится, совсем другая история. А для парней со двора главным событием лета стал Сашки рекорд, а всё остальное так – шум взрослых, ставший началом совсем другой жизни, в уже новой стране, но с прежним народом.

Песочница

Скажу честно, не такое уж это сложное дело – из фугованных досок смастерить песочницу. Главное – правильно связать углы, лучше гвоздями, саморезы спустя время целая морока выкручивать, а мало ли, придётся разбирать песочницу.

Это было обычное летнее утро на выходных, во дворе стояла умиротворённая тишина после очередной трудовой недели. Как обычно по субботам, приехал молочник. Кто хотел, купил заветные литры свеженадоенного молока и радостно спешил домой в предвкушении завтрака. В такие солнечные моменты выходного дня трудно настроиться на рабочий лад, всегда найдутся одна-две весомые причины для безделья. Но сосед оказался пунктуальным. Поэтому, памятуя о вчерашней договорённости, я был вынужден поехать в строительный магазин за материалами для песочницы.

– Как вы надоели, в такую рань шумите! – ругалась соседка, чьи окна выходили на детскую площадку. – Почему именно под моими окнами этот детский сад? Вечный шум и песок по всему палисаднику раскидан. Покоя от вас нет!

Сосед, выключив шуруповёрт, посмотрел на меня с явным вопросом: может, не стоит её делать?

– Забей, собаки лают, караван, сам понимаешь, – ответил я.

– Зачем вы это делаете? – с ухмылкой спросила старшая по дому. – Наш дом третий в очереди на ремонт двора. Всё равно сломают вашу песочницу и поставят новую.

– Они с осени прошлого года обещают отремонтировать двор, и всё никак, – тут же возбуждённо отреагировала одна из мамочек. – А где детям нашим играть всё лето?

– В старой, – надменно ответила старшая по дому.

– Она сгнила, – вступила в полемику ещё одна мама с ребёнком на руках. – Ваши же внуки тут будут играть. Мы ничего плохого не делаем, заменяем старую на новую, а такое ощущение, что эта песочница всему двору мешает.

– Столько шума из-за этого, – подхватила другая мамаша. – Словно мы что-то запретное делаем.

Тем временем, закрутив саморезы, мы принялись подгонять сидушки. Благо, у соседа была циркулярная пила, обрезав фугованную липу под углом, мы аккуратненько прикрутили заготовки к основанию песочницы. В принципе, всё готово, оставалось покрасить это произведение дворового творчества и насыпать песка. Однако всеобщее возмущение, сопровождавшее нашу работу, уже перешло на личности. Песочница стала искрой: ругались уже все, вспоминая прошлые обиды и оскорбления. И только мы с соседом монотонно красили песочницу, а когда я докрашивал вторым слоем внутренние стенки, к нам подошёл участковый.

– Добрый день, – поздоровался сотрудник полиции. – Вы ещё долго, парни?

– Да почти закончили, – ответил я. – А что такое?

– Соседка вызвала меня, чтобы я зафиксировал факт отравления её парами краски, – едва сдерживая смех, ответил участковый.

– Какое отравление? До её окна метров десять! – удивлённо подметил сосед.

– Она говорит, что вы специально, зная о её аллергии, начали красить песочницу.

– Так её же внуки, как приезжают на лето, играют в песочнице, – сказала одна из мамочек.

– Ну да, – подтвердила другая женщина. – Они такое раздули из этой песочницы, что прям хоть ничего не делай, вот ей-богу, аж обидно. Столько проклятий в наш адрес услышали за этот день.

– Я вас прекрасно понимаю, – говорил участковый. – По закону вы ничего не нарушили, это территория общедомового хозяйства, и вы поменяли старую песочницу на новую своими силами. Но эти гражданки пишут заявления, чтобы вы принял меры. По факту отравления.

– Хорошо, – сказал я и закрыл банку с краской. – На сегодня всё!

Пожилые соседки бубнили и возмущались до вечера, кости перемывали всем. Словно взъерошенный улей, наш дворик гудел и извергал негатив, и главным источником зла стала свежеекрашенная песочница.

На следующее утро мы тихонько насыпали в неё песок

и накрыли полиэтиленом. К летним играм всё было готово. Как мы и предвидели, внуки той соседки, что вызывала участкового, всё лето провели в песочнице. Она располагалась в удачном месте: тенёк от массивных клёнов и две большие лавочки для взрослых. Мамы общались друг с другом, а дети развивались, лепя куличики и строя замки.

Уже осенью, когда нам всё-таки начали делать двор, та самая соседка первой заговорила о песочнице.

– Вы бы её разобрали – и в подвал, пока не сделают двор, – с каким-то материнским трепетом предложила она. – А потом на это же место снова поставим, а то рабочие поломают и выкинут на свалку.

– Хорошо, сейчас отвёртку возьму и разберу, – сказал я, памятуя, что песочницу скручивали саморезами.

Скажу честно, не такое уж это сложное дело – из фугованных досок смастерить песочницу. Главное – правильно связать углы, лучше гвоздями, саморезы спустя время целая морока выкручивать.